

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

НО «Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры»

Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ (ГИИ)

Белорусский национальный технический университет (БНТУ)

Научный совет РААСН по историко-теоретическим проблемам архитектуры и градостроительства

**Научная конференция
ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ**

Время проведения: 16–17 мая 2024 года

Место проведения: НИУ МГСУ (Ярославское шоссе, 26)

Информационная поддержка:

Москва – 2024

Председатель организационного комитета

ректор НИУ МГСУ, д. т. н., профессор, академик РААСН Акимов Павел Алексеевич

Заместители председателя

проректор НИУ МГСУ, д.т.н. Тер-Мартirosян Армен Заверович

проректор НИУ МГСУ, д.т.н., профессор Галишникова Вера Владимировна

Научный комитет конференции

д. иск., академик РААСН Казарян Армен Юрьевич (Председатель)

к. ист. н., советник РААСН Баева Ольга Владимировна (Заместитель председателя)

д. арх., профессор, академик РААСН Бондаренко Игорь Андреевич

к. иск. Воробьева Дарья Николаевна

д. арх., профессор Клименко Юлия Гавриилловна

к. иск., советник РААСН Коновалова Нина Анатольевна

д. арх., член-корреспондент РААСН Косенкова Юлия Леонидовна

к. иск. Мальцева Светлана Владиславовна

д. арх., профессор Сардаров Армен Сергеевич

к. иск. Тарханова Светлана Валерьевна

д. ист. н. Хрушкова Людмила Георгиевна

д. иск. Чекмарев Владимир Михайлович

Адамов О. И.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Велимир Хлебников и Константин Мельников: транс-временные переносы идей и проективный ритуал в Русском Авангарде

Статья направлена на осмысление явления Русского Авангарда, на поиск его истоков и выявление особого авангардного способа воспроизводства и трансляции его идей, образов и смыслов в культуре. Разбирается ситуация отрицания мастерами авангарда традиционных пространственных построений, самого способа подражания канону, принятому в академических школах. Выясняется, что отказ от следования, очищение от структур и контекстов прошлого является неполным. Включаются механизмы памяти: забывания, а затем припоминания и представления материала в сжатом, снятом и упрощённом до схем, концептов виде. Из актуальной ситуации творцы выводят первоэлементы: перво-звуки, элементы азбуки (В. Хлебников) или простые геометрические формы (К.С. Мельников). «Плодотворная негация» уравнивает, переводит в один оперативный план образы и смыслы, целые контексты прошлого. Они делаются доступными и служат гетерогенной питательной средой, откуда художники заимствуют свои принципы построения или «семена-идеи», а затем они переносятся, «эмигрируют», могут быть впоследствии привиты и произрасти на новой культурной почве. В самом «уничтожающем отрицании» авангарда содержится призыв к их восстановлению к новой жизни. Оно структурно подобно традиционному «проективному ритуалу», принятому в русской деревне, связанному с символикой весны, возрождением природы, магическим действием, направленным на получение урожая. Введён концепт «перекати-поле», показывающий, как совершаются отрывы от традиционных основ, транс-временные переносы «семян-идей», фрагментов разных контекстов и схем пространственного устройства (без прямого наследования) и их последующее укоренение на иной культурной почве, характерные для авангардного способа воспроизводства.

Арушанова Х. А.

Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ); Департамент архитектуры и градостроительства города Ростов-на-Дону, Россия

Завод сельскохозяйственной техники «Ростсельмаш»: градостроительный анализ и основные архитектурно-художественные характеристики объекта

Юг России был включен в процесс индустриализации, нацеленный на быстрое наращивание промышленного потенциала СССР, что стимулировало в период первых пятилеток формирование нового подхода к проектированию промышленных зданий и комплексов. В эти годы было возведено большое количество промышленных объектов, в том числе: металлургические, машиностроительные и тракторные заводы, комбинаты, гидроэлектростанции. На Юге России актуальным становится строительство специализированных заводов сельхозмашиностроения, в связи чем в 1929 г. было основано одно из крупнейших предприятий региона — Ростовский завод «Ростсельмаш». Построенный в 1927–1931 гг. авторским коллективом советских специалистов в области сельскохозяйственного машиностроения, в составе В.Ю. Ган, Н.П. Крутикова, Н.Н. Джунковского, М.А. Иванова, П.С. Наумова, Ф.Л. Катани, Н.А. Василенко, П.Т. Тыркалова, Н.Н. Чеботарева, М.М. Закладного и др., гигантский промышленный комплекс включал

производственные корпуса, транспортную инфраструктуру и жилой район. Завод «Ростсельмаш» занимает значительную территорию в северо-восточной окраине города Ростов-на-Дону недалеко от станции «Нахичевань-Донская», что позволило расширить транспортную инфраструктуру, включающую автомобильные дороги и железнодорожные пути.

Комплекс состоит из заготовительных, производственных и вспомогательных цехов. На территории завода размещались общественные здания административного и учебного назначений. Требования функции и технологии производства определили структуру генерального плана с учетом пространственной связи корпусов. Свыше 50 объектов промышленного строительства располагаются на территории более 120 га, связанные между собой транспортными путями, а вместе с жилищным поселком вся территория строительства достигала 258 га.

Образное решение корпусов, выполненных в формах авангардной архитектуры 1920-х — начала 1930-х гг. основывалась на выявлении новых конструктивных решений в архитектурной форме.

Баева О. В.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Тониры и камины в интерьере жилища Ани

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете

Очаг, являвшийся важнейшим элементом традиционной культуры и самым почитаемым местом в жилище, зачастую становился и одним из самых выразительных атрибутов интерьера, а его образное решение восходило к верованиям глубокой древности. Именно такие устойчивые формы очагов, остававшиеся неизменными на протяжении веков, раскрыты на средневековом городище Ани. Аналоги этих анийских каминов и тонириров, сохранявшие существенные признаки на протяжении Античности, Средневековья и Нового времени, были выявлены на обширных территориях Ближнего и Среднего Востока, что подтверждает общность этого культурного ареала и дает основание предполагать некий единый источник распространения изучаемых типов очагов.

В докладе изложены результаты натурных исследований тонириров и каминов, проводившихся в ходе экспедиций на городище. Первые представляли собой глиняный сосуд, врытый в землю ниже уровня пола или в специально устроенное возвышение. Пристенные камины состояли из с круглой или многогранной каменной чаши в основании и встроеной над ней в стену массивной плитой из цельного камня с небольшим выступом стрельчатого перекрытия ниши. Показано, что одним из наиболее часто встречающихся вариантов было расположение этих двух типов очагов в непосредственной близости, когда к очажной чаше камина примыкало возвышение с тонириром. Каминны встречаются как в помещениях хозяйственного назначения, так и парадных комнатах, а доступные для изучения материалы позволяют говорить о наличии в Ани каминов с декором и без него.

В заключении отмечается, что доступный в настоящий момент натуральный материал не позволяет ответить на некоторые важные вопросы, в том числе о времени распространения каминов в Ани. Также важным направлением дальнейших исследований может стать раскрытие сакрального значения очага-камина в анийской культуре.

Баева О. В.

Филиал ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия

История строительства армяно-григорианской церкви в городе Ялта. Новые документы

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.1.2.

В Российской империи строительство храмов для представителей разных конфессий регулировалось законодательно, и административные механизмы реализации этих правовых норм уже ко второй половине XIX в. были достаточно отлажены, охватывали не только города, но и небольшие сельские поселения. Сложилась четкая система получения разрешительных документов для строительства церквей, как по линии их архитектурного решения, так и принципиального разрешения строительства храма в определенном населенном пункте. Порядок получения разрешений для представителей разных конфессий имел свои особенности, самая значимая из которых — обращение с прошением в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. В связи с этим в фонде Департамента, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, отложилось значительное количество источников, проливающих свет на строительство церквей для прихожан Армянской Апостольской церкви, в том числе представлены документы по истории строительства армяно-григорианской церкви в Ялте. Были изучены делопроизводственные материалы и письма Эчмиадзинского армяно-григорианского синода, Епископа Таврического и Симферопольского, Министерства внутренних дел (в ведомство которого в тот период входил Департамент), в том числе ходатайство перед императором о «Высочайшем соизволении на постройку проектируемой в г. Ялте церкви». В докладе показано, что представленные документы имеют ценность для реконструкции административных механизмов, регулирующих строительство армяно-григорианских церквей, а также позволяют восстановить хронологию строительства церкви св. Рипсима и раскрывают историю создания ее проекта.

Белинцева И.В.

Филиал ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия;

Баранова Е.В., Верещагин В.А., Маслов В.Н.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), Россия

Архитектура жилых домов Кёнигсберга: материалы для виртуальной реконструкции Длинной улицы Старого города (XIII — начало XIX века)

Исследование выполнено И. В. Белинцевой в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.2.4.

Накануне празднования 300-летнего юбилея философа Иммануила Канта (1724–1804) было проведено изучение письменных и изобразительных источников, относящихся к ныне не существующей застройке главной улицы родного города «прусского мудреца» — Длинной улицы (Лангштрассе) Старого города Кёнигсберга (совр. Московский проспект Калининграда, РФ) и соседних переулков. Целью иконографического исследования было описание и воссоздание виртуальной исторической среды центральной части поселения, по которой ходил И. Кант, и формирование экскурсионного маршрута по исчезнувшему

старинному городу. Жилые дома Старого города (Альтштадта) начали строиться в конце в конце XIII в. Планировка города следовала правилам, установленным Орденом и воспроизводила античный гипподамов план, сохранявшийся здесь вплоть до 1945 г. Тесно поставленные, высотой в 3-4 этажа дома были обращены к красной линии улицы узкими фасадами, простирались глубь застройки и имели стандартную планировку каждого яруса. Внешний облик построек менялся в соответствии с архитектурной модой — ветхие фахверковые дома заменяли на более репрезентативные, акцентировали маньеристические и барочные входные порталы, увеличивали размеры оконных проемов, изменяли форму наличников, абрис завершающих здание щипцов. Архитектурно-художественные и скульптурные элементы наделялись аллегорическими смыслами и требуют особого прочтения. К числу наиболее привлекательных зданий, облик которых сложился в XVII в. и оставался долгое время неизменным, относился дом друга И. Канта — книгоиздателя И.Я. Кантера на Длинной улице Старого города (1630), а также некоторые жилые постройки на прилегающих улицах. В XVIII — начале XIX в. в оформлении фасадов домов зажиточных горожан были привнесены элементы рококо, классицизма и других стилей, менялась цветовая гамма фронта уличной застройки. Созданные на основе иконографических и других материалов 3D модели служат для знакомства с городом И. Канта, называемого в литературе «Северной Атлантидой».

Бондаренко И. А.

Филиал ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ); Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Античные портики с четным и нечетным числом колонн в свете традиционного отношения к замыканию и раскрытию пространственных осей здания

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.6.1

Доклад посвящен теме раскрытия и замыкания главных пространственных осей античных и средневековых культовых зданий, в зависимости от чего в одних случаях входные проемы в них устраивались по середине, в других — по сторонам от центрального простенка. Обосновывается гипотеза о том, что в древности преобладало намерение уберечь святыню в неприкосновенности внутри храма, а позже — приоткрыть прямой доступ к ней извне и обеспечить распространение ее энергетического воздействия на окрестности. Разбор геометрических закономерностей построения правильного трехмерного объема (куба) с привлечением знаний о «ключе» построения лабиринта позволил автору показать, как путем соединения центральных точек на его шести гранях формируется октаэдр, охватывающий срединное пространство. Осевые линии пронизывают это пространство насквозь, боковые же направляются в обход подобно хордам. О важности сохранения замкнутости начальной точки главной продольной оси свидетельствует ее замуровывание в апсиде (экседре) храма, как христианского, так и языческого. Становится понятно, что здания без дверей по центру фасадов могли уподобляться ковчегам — реликвариям.

Буйнов А. Н. Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Комплексный подход, как основной принцип реконструкции и благоустройства исторических кварталов

Вопросы повышенной актуальности реконструкции и благоустройства исторических кварталов с приданием им статуса наиболее привлекательных городских пространств. Основные тенденции и направления, в соответствии с которыми идёт процесс реконструкции исторических кварталов и формирования в их среды различной функциональной направленности. Комплексный подход, как средство объединения требований функциональных, градостроительных, стилистических параметров, требований комфортности среды и благоустройства. Новое современное прочтение контекста в условиях реконструкции исторических кварталов. Реконструкция исторических кварталов, положительные результаты и перспективные направления.

Бучка А. М.

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ),
Россия

Маскировка территорий, зданий, сооружений и военных объектов. Начало — середина XX века

Самое пристальное внимание ей начали уделять, когда в силу развития военной техники стало очевидным, что крупные исторические здания, особенно с золочёными куполами и колокольнями, выделяются в культурном ландшафте и являются великолепными ориентирами на местности.

Базовая оборонительная маскировка в начале Первой мировой войны (1914–1918 гг.) впервые была применена французами: подразделения специалистов-камуфлёров раскрашивали оружие и транспортные средства произвольными пятнами, чтобы слить их очертания с окружающей средой. Проводилась учёба военных подразделений по методам маскировки от воздушного наблюдения вражеской авиации сеткой, покрытой ветками с листвой. Окрашенные полотнища брезента выполняли для имитации ложных планировок территории.

Британская армейская школа камуфляжа была основана в 1916 г. и базировалась в лондонском Кенсингтонском саду. Школа изучала методы обмана противника на Западном фронте. Угроза точечных бомбардировок Великобритании со стороны Люфтваффе (немецких ВВС) во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.) заставила британских военных использовать маскировку и обман зрения более изощренными и стратегическими способами. Маскировка московского Кремля, территории Смольного института, Исаакиевского собора под руководством архитекторов, камуфляж планировки центра Гамбурга в период окончания Второй мировой войны выступили следующими примерами изучения и применения тактической маскировки.

В докладе будет показано, что этапы становления теории и практики маскировки тесным образом связаны с градостроительством, архитектурой, кораблестроением, авиацией, модой и живописью.

Васильев Н. Ю.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия,

Шевцова О. Ю.

Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, Россия

Потерянный «брат» дома Наркомфина. Опыт реконструкции проекта жилого дома Всесоюзного института животноводства в Москве

В статье приводится опыт архивных изысканий и архитектурной графической реконструкции утраченного экспериментального жилого дома, выполненного Вячеславом Владимировым и Юлианом Герштейном. Дом был кратко описан в книге лидера конструктивистов Моисея Гинзбурга, но без чертежей и фотографий. Реконструкция первоначального замысла и построенного в результате дома описывается в настоящей статье в сравнении с домом Наркомфина, как самым известным памятником конструктивизма.

Многообразие типовых ячеек Строительного комитета РСФСР, разработанных группой Гинзбурга, не было полностью воплощено, оставшись уделом экспериментальных домов этой эпохи, потому любой неизвестный ранее пример разработки типологии многоуровневых компактных жилых ячеек ценен вдвойне. Многое в опыте конструктивистов не осмыслено даже в их собственных произведениях. Настоящая статья призвана «нанести на карту» одно из таких «белых пятен».

Воробьева Д. Н.

Государственный институт искусствознания (ГИИ), Россия

Скальная архитектура джайнизма в Южной Индии

В докладе речь пойдет об основных памятниках джайнской пещерной архитектуры на территории Индии, находящихся в штатах Махараштра, Карнатака, Тамил-Наду. Это одни из наименее исследованных памятников индийской архитектуры, многие из которых не получили никакого освещения в отечественной литературе. Однако джайнская архитектурная традиция пещерного зодчества имеет длительную историю — с III в. до н. э. до X в., когда скальное зодчество в Индии практически угасло. В пещерной архитектуре в полной мере нашла отражение основополагающая идея джайнизма о строгой аскезе. В скалах высекались монастыри, в которых можно увидеть интересные элементы — кровати для салеekhаны — добровольного ухода из мира. Здесь же монахи совершали суровую подвижническую аскезу кайотсарга — стояние в течение длительного времени. В этом виде и изображены многие джайнские учителя — тиртханкары в иконографической программе пещерных святилищ. Джайнские святилища сохранили как скульптуру, так и живопись в своем декоре.

Архитектура стилистически близка буддийским и индуистским скальным храмам, часто практически копируя ее, создаваемая одними мастерами, однако имеет свои особенности — планировочные решения и декоративную программу.

В докладе будет сделан акцент на пещерном комплексе в Эллоре, штат Махараштра, где находится самый обширный ансамбль джайнских храмов, опоясывающий собою северный хребет отрога Западных Гхат, также будут рассмотрены монастырские ансамбли Тамилнаду — Ситтанавасал, Кулугумалаи и Пуддукоттаи и Кералы в Бадами.

Заворина М. Л.

Филиал ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ); Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Россия

Архитектурное своеобразие поздневизантийской Верии и истоки его формирования

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.1.1.

Проблема регионального своеобразия и взаимовлияний в архитектуре поздневизантийского времени лежит в основе научной дискуссии об архитектуре поздневизантийского периода. В этом контексте интересным представляется случай Верии. С одной стороны, Верия в поздневизантийское время становится одним из активных региональных архитектурных центров: при том, что в предшествующие периоды здесь не велось интенсивного строительства и не сложилось местной традиции, в XIV в. в городе появляется более десяти храмов, связанных с частным заказом различного уровня. С другой стороны, поздневизантийский период в Верии представлен памятниками второго и третьего ряда, которые не отражают поворотных моментов развития архитектуры, из-за чего этот материал, как правило, оказывается в стороне и редко рассматривается исследователями в свете региональной проблематики.

Представляется, что архитектурное своеобразие Верии определяется сочетанием традиции Эпира XIII — начала XIV в. с влиянием Салоник, которое обнаруживается примерно с 1330-х гг. и далее становится все более явным. В докладе мы намерены выявить и охарактеризовать региональную специфику, определить характерные для традиции Эпира черты в памятниках Верии, проследить особенности развития архитектурной традиции Эпира и ее синтеза с влиянием Салоник в этих постройках, а также рассмотреть памятники Верии в контексте тенденций развития архитектуры палеологовского времени.

Иванов А.В.

Архитектурная матрица вернакулярного города: Воеводина и Земун (Сербия)

В докладе приводятся результаты анализа средоустройства исторических городов Воеводины (Вршац, Зренянин, Нови Сад, Панчево, Сомбор, Сремска-Митровица, Сремски Карловци, Суботица) и Земуна (старый город в составе современного Белграда).

Выявлен ряд характерных архитектурно-пространственных паттернов, в совокупности формирующих самобытную среду этих городов бывшей Австро-Венгрии:

1) *«дисперсный» фронт улицы*: дома типа «войводжанка» с разрывами между ними («дома вдоль борозды»); коньки крыш перпендикулярны улице;

2) *реликты «дисперсного» фронта*: дома с главным фасадом, увенчанным *Dutch gable* (голландским фронтоном);

3) *«сплошной» фронт*: неразрывная зданиями со скатом крыши на улицу;

4) *реликты первичных фрагментов «сплошного» фронта*: одноэтажные домики, зажатые более высокими поздними соседями — *«вернакулярные малыши»*;

5) *«каталожные» дома* — блоки подобных друг другу репликативных зданий, построенных с использованием каталогов архитектурных форм, альбомов «образцовых» проектов и т.д. Как правило, имеют разных хозяев, по-разному выглядят (покраска, степень состаренности / отремонтированности); членения и детали фасадов обладают при этом признаками повторности базовых элементов;

6) *«живые фронты»* — ряды примыкающих друг к другу, часто контрастных по стилю / оформлению / высоте и разновременных домов, составляющих своего рода «непреднамеренные» вернакулярные ансамбли;

7) *узкие дворики с галереями по второму этажу*, перпендикулярные главным улицам;

8) *характерные детали*: угловые эркеры-балконы («жибицфенстерны»), «оконные» микро-эркеры, деревянные ворота с накладным декором, входные двери с коваными решетками в остекленных проемах и др.;

9) «курьезные» детали (термин Г.К. Лукомского): проявления рукодельности, свободной творческой воли мастеров (местные интерпретации «высокого»).

Утверждается, что большая часть застройки возникла здесь без прямого участия профессиональных архитекторов и может быть отнесена к архитектурному вернакуляру высокого («мастерского») уровня.

Каверин С. И.

Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Республика Армения

Трансформация домостроения горцев Восточного Афганистана по материалам экспедиции 2023 года

На северо-западной окраине Южной Азии располагается Памиро-Гиндукушский этнолингвистический регион, где распространены преимущественно индоиранские языки и диалекты. Особенный интерес здесь представляют ареальные исследования различных аспектов местных языков, культуры, быта. Особенности домостроительства традиционно были обусловлены как доступностью строительных материалов, сложностью рельефа, высотой над уровнем моря, климатическими особенностями, так и традициями, предпочтениями этнических и территориальных групп населения. На сегодняшний день развитие транспортной системы и торговых отношений привело к стремительной модернизации. Формируются архитектурные стили субрегионов, состоящих из нескольких крупных административных единиц (в Афганистане — провинций). Зонирование стилей может в различной мере соотноситься с рядом факторов и требует верификации в «поле». Первая экспедиция прошла осенью 2023 года в долинах провинций Кунар, Нуристан и Нангархар.

В общих чертах традиционное жилище горцев Восточного Гиндукуша сходно с «памирским домом» и аналогичным образом находит параллели в архитектурных традициях народов Кавказа. В текущей ситуации жилищная часть сельского населения может склоняться к постройке жилища городского либо традиционного типа. Основная масса горцев заказывает постройку дома в новом провинциальном стиле пришлым работникам либо местным «зависимым» плотникам. Этот стиль отличается от традиционного в первую очередь отсутствием четырёхступенчатого свода с квадратным световым окном, а балки лежат на стенах по причине отсутствия столбов внутри периметра жилища. Окна и двери по-прежнему производят на месте из древесины, но их формы уже не специфичны. Помимо дерева, глины, песка используют цемент, кирпич, листовое железо и другие современные строительные материалы. Некоторые элементы декора и полубалки на верандах в общих чертах следуют ушедшим традициям. Знаковая система доисламского периода прошла, по выражению Макса Климбурга, «орнаментализацию», и теперь достигла уровня «декоративной бессмысленности».

Казарян А.Ю.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Порталы храмов столичной школы армянской архитектуры X-XI веков. Истоки композиций и особенности форм

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете

Порталы, представляющие знаковые элементы объемной композиции средневековых храмов, в архитектуре Ани и ближайших монастырей X–XI вв. обрели особо выразительные формы. Доклад раскрывает разнообразие композиций порталов и стилистические новации, применявшиеся при их создании. Это далеко не первое исследование средневековых армянских порталов, но оно впервые обобщает обширный материал по развитию этой формы в рамках столичной архитектурной школы эпохи Багратидов, когда, по оценке Н.М. Токарского, «...дверной портал по своему строению и архитектурным деталям представляет качественно новую композицию...» (Токарский 1946: 250). Представлены два конструктивных типа и их вариации, выстроенные в исследовании в хронологии их создания. Обсуждается вопрос генетических истоков не только общей типологии, но и вариантов развития одного и того же типа, а также стилистические модификации известных ранее решений.

На протяжении всей эпохи царствования анийских Багратидов армянские зодчие черпали идеи из типологии порталов местной и других традиций, включая античную греко-римскую, а также изобретали новые отдельные формы, такие, в частности, как перспективный портал и пучковые опоры.

Клименко Ю. Г.

Московский архитектурный институт (Государственная академия) — МАРХИ; Филиал ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия

Ф.-Ж. Беланже. Парижский архитектор или декоратор?

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.2.4.

Франсуа-Жозеф Беланже (1744–1818) — известный парижский архитектор, которому удавалось успешно реализовывать свои проекты как в эпоху Людовика XVI, так и при императоре Наполеоне. Этот феномен профессиональной востребованности пытались объяснить многочисленные исследователи в докладах и публикациях, посвященных различным аспектам блистательной творческой карьеры архитектора. Привлекая увражи XVIII–XIX вв. и современные вновь изданные научные труды, представляется необходимым рассмотреть наиболее значительные произведения французского архитектора. Через их историко-архитектурный анализ необходимо определить принципы неоклассицизма в его постройках, градостроительных, ландшафтных и декоративных замыслах. Идеи космополитизма оказались следствием его рабочих поездок по Европе с изучением наследия Рима и архитектурных достижений Англии. Использование этих полученных знаний во Франции содействовало подъему школы на новый уровень. Изобретательность многих проектов Ф.-Ж. Беланже была высоко оценена не только заказчиками, но и самой широкой аудиторией, благодаря распространению Ж.-Ш. Краффтом и другими издателями серий гравированных чертежей его лучших проектов.

Несмотря на занимаемую должность придворного декоратора Ф.-Ж. Беланже выполнял сложнейшие инженерные задачи и решал крупные градостроительные проекты, связанные с вопросами реконструкции французской столицы.

Климова Н. А.

Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН); Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Начальный этап высотного строительства в США и России в период с 1871 по 1917 годы: истоки, генезис и особенности

Высотное строительство — один из современных мировых трендов. Однако в разных странах высотные здания стали появляться в разное время.

В докладе сделана попытка провести сравнительный анализ истоков возникновения и развития высотной застройки в городах США (Чикаго, Нью-Йорк) и России (Москва, Санкт-Петербург) в период с 1871 по 1917 гг., а также выявить взаимосвязь исторических событий и их влияние на данный процесс и перспективы городского планирования.

Известно, что пионером высотного строительства по праву считается Америка, где такие здания стали массово возводиться, начиная с последней трети XIX в.

Причин такого явления было несколько. В их числе бурное развитие промышленности, торговли и финансов, совершенствование технологий и строительных материалов, взрывной рост населения в городах и амбиции новых корпораций и их владельцев, нуждавшихся в большом количестве офисных помещений. Спустя короткое время высотные здания получили название небоскребов.

В России в то же время также происходили значительные изменения социально-экономического характера, что не могло не сказаться на архитектуре, как виде искусств, как правило, наиболее прямо и открыто выполняющем социальный заказ. Однако, что касается высотности зданий, то изменения в городском ландшафте происходили в России точно и не так быстро, как в США. Высота зданий от 8 до 10 этажей на фоне 1–3 и 4–5-этажной застройки вызвала неоднозначную реакцию, к тому же класс домовладельцев нового типа был еще не так многочисленен. Сами дома строились под жилую функцию для сдачи внаем поквартирно. В народе высотные здания получили меткое название тучерезы.

Кондратьева А. А.

Государственный институт искусствознания; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Реконструкция портика северомесопотамской церкви Эль-Адра в Хахе

Исследование церкви Эль-Адра в Хахе сопряжено с рядом вопросов, касающихся реконструкции форм и декора этого храма. Их решение будет способствовать уточнению датировки строительства Богородичной церкви, а также места этого памятника в ряду типологически близких образцов архитектуры Ближнего Востока. Реконструкция портика этого храма является первой частью исследования по восстановлению облика памятника; вторая часть будет посвящена реконструкции барабана купола. В существующей реконструкции С. Гуйера церкви Эль-Адра портик не содержит колонн при столбах, выходящих на западный фасад. Однако такие колонны были обнаружены автором доклада при натурном осмотре этой части здания. В докладе также представлен результат сравнение со схожими решениями в соседних областях Востока.

Коновалова Н. А.

Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (НИИ РАХ), Россия

Формирование новой национальной идентичности в Японии эпохи Мэйдзи: первое поколение японских архитекторов

Японские архитекторы в период Мэйдзи (1868–1912) не только учились в процессе работы у западных специалистов, но и отправлялись получать образование в Европу (прежде всего, в Великобританию), где знакомились с традициями европейской архитектуры и, возвращаясь, создавали свои произведения уже на основе западных образцов. Молодых японских зодчих, учеников Дж. Кондера, называют первым поколением японских архитекторов. Они не только получили известность и крупные заказы у себя на родине, но и определили «лицо» японской архитектуры на последующие десятилетия. Творчество таких архитекторов, как К.Тацуно, Т.Катаяма, Т.Сонэ, С.Сатати и К.Симода привело к появлению нового стиля — гиёфу (что дословно переводится как «псевдоевропейский»). В период Мэйдзи появляются новые типы архитектуры, ведущую роль среди которых начинают играть Общественные залы (кокайдо), строящиеся по всей Японии.

К концу периода Мэйдзи, по мнению многих европейских исследователей, Япония заняла место на международной арене и стала полноправным участником международного архитектурного процесса. Такой успех страны объяснялся последовательной программой правительства в отношении западного архитектурного обучения собственных специалистов и привлечении иностранных экспертов в архитектуре и инженерном деле. Кроме того, для образовательной системы Японии в сфере архитектуры эти новшества произвели настоящий революционный переворот — она заменила старую традицию передачи умений от учителя-строителя или плотника к ученику. Представители первого поколения японских архитекторов, получивших образование в Европе, стали лидерами общества Мэйдзи. Они обсуждали направления развития японской архитектуры, необходимые для того, чтобы новейшая архитектура страны вышла на один уровень с ведущими европейскими державами и воспринималась мировым сообществом как современная. Но самое главное, они были убеждены, что новейшая архитектура Японии должна обладать присущим ей национальным своеобразием, т.е., по сути, это поколение японских зодчих создавало новую идентичность японской архитектуры.

Косенкова Ю. Л.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Архитектурно-градостроительная деятельность России в Туркестанском крае (вторая половина XIX — начало XX века): к постановке проблемы

История отношений России и Центральной Азии привлекает всё большее внимание исследователей. Бывшие советские республики Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, обретя независимость в 1991 г., оказались перед сложной проблемой нового осмысления того времени, когда этот регион находился в составе Российской Империи, а затем Советского союза. Сложный многоаспектный дискурс о взаимной значимости России и Центральной Азии с тех пор только углубляется, вовлекая широкие круги российских, азиатских, европейских историков. Проводятся научные конференции, исследуются архивы, издаются фундаментальные труды. На этом фоне работа по изучению архитектурно-градостроительной, а также инженерной деятельности в центрально-азиатском регионе во второй половине XIX — начале XX в. представляется совершенно недостаточной и в советское время, а ныне и вовсе замершей, на что есть ряд причин. В отличие от мощной дореволюционной, а затем советской научной школы по изучению средневековых памятников архитектуры, многие из которых имеют мировой

статус, систематическим исследованием архитектурно-градостроительных реалий Туркестанского края практически никто не занимался, а имевшиеся в советский период публикации, за редким исключением, по понятным причинам отличались краткостью и неопределенностью смыслов. В статье проводится мысль, что в настоящее время, когда открылись новые возможности изучения архитектуры и градостроительства Туркестанского края не столько в идеологическом, сколько в академическом ключе, именно этот материал может наиболее наглядно продемонстрировать происходивший, несмотря ни на что, процесс аккумуляции, взаимопроникновения культур.

Кошельняк А. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Россия

Памятники раннехристианской архитектуры Мезии и Фракии в трудах болгарских исследователей

Раннехристианская архитектура на территориях Мезии и Фракии представлена группой памятников IV–VI вв., отличающейся типологическим разнообразием — эллинистические базилики (№ 46 в Хисаря), базилики со сводчатым перекрытием в различных конфигурациях (Джанавар Тепе, Иваняне, Голямо Белово, Еленская в Пирдопе, Св. София в Софии) и центрические сооружения («Красная церковь» в Перуштице, постройка в Ботево). Большая часть памятников Мезии и Фракии после прихода болгар на Балканы, оказалась на завоеванных ими территориях. Начало изучения архитектуры здесь стало возможно только после освобождения от османского ига и было положено деятельностью РАИК и Ф.И. Успенского, организовавшего экспедиции в Болгарию (1896) и первые систематические раскопки Плиски и Преслава. Разработанная методология раскопок, публикация научных материалов и обращение внимания к раннехристианским памятникам (Св. Софии) обусловили возрастающий интерес к раннехристианскому строительству в регионе в среде болгарских исследователей.

Ранняя историография (1910–30-х) формировалась под влиянием идеологической программы представления болгарской культуры как берущей истоки на Востоке, что должно было обосновать ее величие. А. Протичем, Б. Филовым региональное своеобразие архитектуры Фракии и Мезии заявляется уже на ранневизантийском этапе, что послужило обоснованием высокой степени развития архитектуры Первого Болгарского царства. Второй этап изучения архитектуры на болгарских территориях (1946–1970-е) характеризуется разработкой новых идеологических концепций на фоне возросшей роли Болгарии как проводника славянской культуры на Балканах и возрождением византистики в СССР. Н. Мавродинов обозначает роль Фракии как ведущего центра развития византийской архитектуры. К. Миятев, М. Бичев сосредотачиваются на рассмотрении архитектурных форм в поиске аналогий в Константинополе. Далее в историографии ведущая роль принадлежит Н. Чаневой-Дечевской и С. Бояджиеву, продолжившим исследования, опираясь на методы формальной типологической классификации для обоснования региональной самобытности архитектуры на болгарских территориях, в том числе и раннехристианского периода. Только в последнее время в работах А. Чилингинова отмечается критический подход и пересмотр старых позиций в изучении. Анализ историографии показал противоречивость выдвигавшихся гипотез, зачастую не получавших должной аргументации. Наиболее проблемными оказались направления научного поиска, находившиеся в зависимости от идеологических настроений и ограничивших круг рассматриваемых памятников территориями Болгарии. Дальнейшее изучение раннехристианских памятников Мезии и Фракии может быть перспективным в контексте истории развития позднеимперской и раннехристианской архитектуры соседних регионов.

Лошкарева Е. А.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Роль Анийской архитектурной школы в формировании типа купольного барабана с пучками строенных колонн в Закардскую эпоху

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете

Доклад посвящен вопросу появления в Закардскую эпоху группы церквей, имеющих на купольных барабанах декор в виде пучков строенных колонн. В армянском зодчестве купольная глава такого типа сформировалась во времена Багратидов в среде памятников Анийской архитектурной школы. В самом конце XII в., после освобождения от сельджуков города Ани и значительных территорий армянских княжеств, в стране происходит новый культурный расцвет, повлекший за собой бурное строительство. В это время вновь проявилась традиционная для армянских архитекторов и заказчиков востребованность в возведении церквей, отсылающих к национальной архитектуре, хранящей в себе память славных дней прошлого. Для анийских правителей Закарян источник вдохновения стала столичная Анийская школа архитектуры Багратидов. В одном из самых ранних памятников — церкви Сурб Аствацацин Аричаванка, построенной по заказу Закаре и Иване Закарян, возведен барабан с пучками строенных колонн. Примечательно, что зодчие не стремятся просто копировать главу образца XI в., но по-новому разрабатывают ее убранство в соответствии с тенденциями своего времени: поразительной нарядностью и устремленностью вверх. Резной декор и дополнительные вертикальные членения помещаются между пучками колонн, украшается зигзагообразный карниз и фронтоны на каждой грани барабана. Нет сомнений в том, что высочайший статус заказчиков аричского храма повлиял на принятие нового переосмысленного типа барабана с пучками колонн и его последующее воспроизведение в целой группе церквей.

Любчко Е. С.

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ), Россия

Комплекс зданий ГБУ РО «ЦГБ им. Н.А. Семашко» в Ростове-на-Дону: история строительства и особенности архитектурного решения

Больница, известная ныне как «ЦГБ им. Н.А. Семашко», возникла в 1922 г. на месте Сводного эвакогоспиталя № 279, который был расположен на северной окраине Ростова-на-Дону. Она получила название «Донской Областной больницы». В том же году в одно из зданий въехала Николаевская больница, старые корпуса которой занял медицинский факультет Варшавского университета. К середине 1920-х гг. в Донской Областной больнице насчитывается 6 отделений: акушерско-гинекологическое, хирургическое, терапевтическое, детское, инфекционное и кожно-венерологическое. Новые корпуса, возведенные в 1930 г. по проекту московских архитекторов П.А. Голосова, А.З. Гринберга и Л.А. Ильина, вмещали 1200 коек и 15 отделений, объединенных новым названием — «2-я Советская больница им. Н.А. Семашко». В 1931 г. был открыт отдельный детский стационар на 120 коек.

Планировочное решение комплекса больницы, симметричное с выявленной центральной осью, продолжает традицию строительства больниц павильонного типа конца XIX — начала XX в. Все корпуса были построены в формах конструктивизма с характерным решением объемов зданий, определяемых функционально-планировочной схемой, и лаконичной, выразительной эстетикой.

В начале 1940-х гг. больница, коечный фонд которой расширен до 1300 мест, переходит в ведение горздравотдела и получает название «Городской больницы». После освобождения города в 1943 г. от фашистской оккупации начинается восстановление больницы, и к середине 1960-х гг. она полностью восстанавливается как многопрофильное лечебное учреждение, клиническая база мединститута, центр подготовки кадров и научных исследований.

С 2013 г. объектом культурного наследия регионального значения признаны некоторые корпуса больницы, но не весь комплекс в целом, что препятствует в настоящее время сохранению его пространственно-планировочного решения.

Мальцева С. В.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ); Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия

Об архитектуре двух церквей XI века на западе Болгарии: от образца к традиции

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.1.1.

Доклад посвящен двум памятникам, возведенным в западной части Болгарии после восстановления на этих территориях византийского владычества. В историографии, большая часть которой принадлежит болгарским исследователям, время и обстоятельства возведения церквей Св. Георгия (Св. Николая?) в Колуше и Св. Николая в Сапаревой Бане остаются непроясненными. Эти два разных по своей типологии храма рассматриваются, как отдельные, не связанные одной архитектурной традицией, при этом, их датировки варьируются от X до XIII вв. В процессе последних реставрационных раскопок, проведенных в интерьере храма Св. Георгия в Колуше в 2004 г., были обнаружены следы более ранней живописной декорации, чем хорошо сохранившиеся фрески сер. XII в. Плохая сохранность найденных фрагментов росписи не позволяет точнее определить датировку первого слоя. В отсутствии устойчивой архитектурной традиции региона в рассматриваемый период, одним из главных оказался вопрос истоков примененных здесь архитектурных решений. Техника кладки со скрытым рядом, наряду с типологическими параметрами построек указывают на связь со средневизантийской столичной архитектурой. Вместе с тем, композиционные особенности храмов и морфология отдельных элементов не позволяют связать эти постройки напрямую с Константинополем. Мы предполагаем объединить церкви в Колуше и Сапаревой Бане в рамках деятельности одной строительной мастерской XI в. и рассмотреть их архитектурные решения в контексте храмового зодчества Салоник, где в 1028 г. возводится церковь Панагии тон Халкеон, послужившая значимым образцом даже для достаточно удаленных от центра Македонии западных областей византийской фемы «Болгария».

Москаленко И. А.

Жилые здания Ростова-на-Дону, построенные «горьковским методом»

Одной из проблем России в середине XX в. был дефицит жилья. Правительство пыталось решать ее посредством жесткой типизации проектов, унификации и индустриализации строительства, а также за счет инициативы снизу — через рационализаторские предложения граждан. Так появилось движение по строительству жилых домов методом народной стройки или «методом горьковчан» / «горьковским методом». Это название метод получил в связи с тем, что инициаторами его стали рабочие горьковского автозавода (ГАЗ). Суть его заключалась в том, что к возведению зданий привлекались будущие жильцы, как правило, не имевшие квалификации в области строительства.

В Ростове-на-Дону метод стали применять с 1956 г., после посещения делегацией завода «СЕЛЬМАШ» города Горький. Работники как крупных промышленных предприятий: «Красный Аксай», «РОСТОСЕЛЬМАШ», так и небольших — фабрики клавишных инструментов, авторемонтных мастерских — приступили к строительству новых жилых домов на окраинах города (пос. Фрунзе, пос. Орджоникидзе, пос. Чкаловский). В стройках участвовали также граждане этих районов, стоящие на квартирном учете.

В докладе будут проанализированы проекты, которые использовались в Ростове-на-Дону для строительства жилых домов «горьковским методом». Выявлено, что первоначально были взяты проекты, разработанные «Горпроект» г. Горький, и затем доработанные местной организацией «Горпроект» (арх. В.Н. Разумовский, Н. Н. Семененко). В основном это были двухэтажные восьми квартирные дома, расположенные на благоустроенных территориях. С двух- и полуторокомнатными квартирами, полностью обеспеченные инженерными сетями.

В результате, в городе появляются новые организованные жилые районы с благоустройством и наметилась тенденция сокращения дефицита жилья.

Нарышкина М. С.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Свобода мыслетворчества архитектора Филипа Джонсона

Джонсон до сих пор остается одной из крупнейших фигур американской архитектуры: его работами восхищаются, студенты изучают его проекты, а в резиденцию в Коннектикуте все так же едут туристы. Американский архитектор, критик и, безусловно, человек связей, наиболее известный как популяризатор интернационального стиля, он является одним из самых влиятельных архитекторов, сыгравшим важную роль в определении постмодернистской архитектуры и, по сути, сформировавшим облик современной Америки. Стал первым человеком, удостоенным Притцкеровской премии.

Несмотря на свои увлечения ультраправой политикой в 30-е гг. XX в., Джонсону удалось отречься от своего прошлого и на пути к исключительно успешной карьере оставить его позади. Он работал в столь многообразных и несопоставимых друг с другом стилях, что уложить его творчество в рамки каких-либо определенных направлений невозможно.

Филип Джонсон легко переходил от одного архитектурного движения к другому. Он сотрудничал с Мисом ван дер Роэ при строительстве Сигрем-билдинг, спроектировал

знаменитый Стекланный дом. В 70-е гг. оказался вовлеченным в крупномасштабное коммерческое проектирование небоскребов.

Он экспериментировал со стилями и формами, некоторые из которых были формальными, некоторые причудливыми, а некоторые отражали современную культуру. Ему больше нравился внешний вид модернизма, чем его замысел. Отделение архитектурной формы от содержания изначально было свойственно Джонсону, постоянная изменчивость и чуждая профессионализму всеядность, безусловно связаны с особенностями его биографии, его многослойным образованием филолога и историка. Единственное, что вместе с важностью истории последовательно и неколебимо утверждал сам Джонсон — это статус архитектуры как великого искусства.

Оборин Д. И.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), Россия

Понарт: проблемы изучения и возможности виртуальной реконструкции облика восточнопрусской пригородной деревни (вторая четверть XIX века)

Понарт — это условная часть Калининграда, бывший промышленный район Кенигсберга. До 1849 г. Понарт был небольшой деревней на 8 хозяйств. Промышленное развитие этого места началось со строительства пивоваренного завода в 1849 г., что повлекло за собой полную перестройку крестьянской деревни в промышленный пригород. На данный момент сохранились лишь объекты, построенные после 1849 г.

Однако, в контексте сохранения историко-культурного наследия области было бы правомерно обратить внимание не только на «заводскую» историю этого места, но также изучить Понарт как пример восточно-прусской деревни, обладающей характерными принципами планировки, стилем строительства и другими специфическими свойствами.

Проблемой является отсутствие визуальных источников, а также материальных данных, по которым можно было бы восстановить облик деревни. Решение видится в синтезе разнообразных источников и использовании допустимой аналогии.

Интерес к архитектуре восточнопрусской деревне зародился во второй половине XIX в. Причиной этому послужило начавшееся индустриальное развитие Германии, что привело к утрате богатого разнообразия примеров деревянного и фахверкового зодчества и замене домов на однотипные оштукатуренные кирпичные дома. Как результат этого интереса можно выделить работы Рихарда Детлефсена, Ханса Веде, Карла Трюбнера и других.

Работы этих авторов, архивные фотографии Восточной Пруссии и Кенигсберга начала XX в. с сохранившимися на тот момент традиционными крестьянскими домами, немногочисленные описания Понарта, карты-схемы территории, изучение специфики его хозяйственной деятельности и особенностей ландшафта формируют общую базу источников, на основе которых будет выполняться реконструкция деревни.

Результатом исследования являются выполненные с помощью программ трехмерного моделирования (3Ds Max, Blender) и визуализации (Twinmotion) модели жилых домов, хозяйственные сооружения и ландшафт, которые в своей совокупности представляют облик деревни Понарт.

Орехов А. Н.

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ), Россия

Актуальные проблемы охраны, реставрации и современного использования объектов кирпичного «стиля» в Ростове-на-Дону

Исторический каркас Ростова-на-Дону во многом формируют объекты кирпичного «стиля». С середины XIX в. важнейшими показателями при возведении зданий становятся практичность и экономичность, благодаря чему кирпичный «стиль» быстро распространяется в промышленной и транспортной архитектуре (1860–70-е гг.), а позже — в жилых и общественных зданиях (посл. четверть XIX — нач. XX в.). В настоящее время часть исторических зданий утрачена, облик большинства изменен. Основные утраты и изменения случились в разные периоды: в ходе Великой Отечественной войны, в период послевоенного восстановления, в период масштабных ремонтных работ в 2010-е гг. К основным видоизменениям следует отнести красочные и штукатурные покрытия, нанесение которых приводит к утрате основного стилеобразующего признака кирпичного «стиля» (эстетических свойств открытой кирпичной кладки). Цвет и фактура современных штукатурных покрытий не соответствует решениям, характерным для периода строительства зданий. Штукатурка способствует аккумулярованию загрязнений, приводит к увеличению эксплуатационных расходов, ухудшению эстетического и технического состояния объекта: упрощению и изменению декоративных элементов, частичной или полной утрате фактуры кирпичной кладки. Прочими изменениями также являются устройство навесных вентилируемых фасадов, утрата элементов при устройстве новой кровли или фасадных работах, разновременные поздние пристройки и обустройство балконов из нехарактерных для времени создания материалов, обилие рекламных вывесок. Также отрицательным видоизменениям подвергаются объекты при производстве ремонтно-реставрационных работ не надлежащего качества. Даже неграмотная очистка кирпичной кладки может навредить историческому зданию, а в общей совокупности искажает понимание исторического центра и особенностей его формирования. Все эти факторы в полной мере выявлены в современной практике Ростова, что требует внимательного подхода к отбору методов охраны, реставрации и ремонта объектов кирпичного «стиля».

Профатило А. В.

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ),
Россия

Архитектура Донского Политехнического университета

Университет играет важнейшую роль в жизни регионов и отдельных городов, нередко формирует пространственно-планировочную структуру целого района города. В XVIII–XIX вв. произошло множество событий, которые значительно повлияли на архитектурно-планировочные особенности зданий высших учебных заведений. Небольшие локальные здания институтов с закрытым внутреннем двором трансформируются в масштабные ансамбли. В связи с ускоренным темпом научно-технического прогресса появляются отдельные институты и университеты технического направления, что влечет за собой появление новой структуры помещений.

В исследовании рассмотрены условия, предпосылки и история создания Донского политехнического института в Новочеркасске, а также особенности пространственно-планировочной структуры университетского комплекса и его художественно-стилистического решения. Архитектура корпусов Донского политехнического института архитектора Б. С. Рогуйского отсылает к аналогу — Варшавскому политехническому университету, построенному в 1901 г. тем же автором совместно с архитектором С. Шиллером после детального изучения ведущих университетов Европы.

Донской политехнический институт был перенесен в г. Новочеркасск в 1907 г. Для строительства масштабного ансамбля было сложно подобрать нужное место, в связи с этим проектное местоположение института неоднократно переносили. Только в 1911 г. началось

строительство основных корпусов института. Здание первого корпуса было завершено в 1914 г., корпуса горного и механического отделения были завершены в 1918 г., а строительство главного корпуса, последнего по проекту Б.С. Рогуйского, было завершено только в 1930 г. без участия самого архитектора, так как после революции он вернулся в Польшу.

Корпуса института выполнены в стиле неоклассицизм, что соответствует классическому стилю основных зданий города.

Сарвут Т. О.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Центричная организация в циркумполярной архитектуре

Центричная форма организации пространства – одна из наиболее популярных в архитектуре. Однако, ее использование в арктической и антарктической архитектуре обусловлено иными факторами в сравнении с архитектурой более теплых регионов. Отследить и выявить истоки традиций циркумполярной архитектуры не представляется возможным – археологические раскопки на вечной мерзлоте дают лишь скудные данные. Но можно наблюдать вернакулярные формы циркумполярной архитектуры – они центрические. Несмотря на трудности с доставкой грузов, строительных материалов, в частности, проектируются и строятся здания-коробки с линейной и радиальной организацией (группировкой) помещений, но и с центрической. Она же – в основе утопических проектов Фробишер-Бэй Эрла Гарднера (1958), «Арктический Город» Фрея Отто и Кензо Танге (1971), Александра Шипкова и Валентина Танкаяна. В чем причина регулярного обращения специалистов к центричной организации пространства?

Сардаров А. С.

Белорусский национальный технический университет (БНТУ), архитектурный факультет, Республика Беларусь

Время и образ (проблемы архитектурной реставрации)

Важнейшей проблемой архитектурной реставрации является проблема сохранения в реставрируемом памятнике диапазона и чувства времени, и передача этого чувства человеку. Поэтому одним из самых главных вопросов, стоящих перед специалистами и заказчиками, должен быть выбор между возвращением полной аутентичности объекту или воссоздание художественного образа памятника в современном средовом контексте. Реставрация, поддержанная современными высокотехнологическими исследованиями, может обеспечить почти абсолютную точность в возвращении исторического облика, как если бы объект был сооружен только сегодня. Однако, для выполнения главной цели — создание и открытие памятника обществу, как образа времени — главное — физическое сохранение подлинных исторических элементов и деталей, с возможными элементами руин и патины. Примеры этих двух различных подходов мы видим в современной практике реставрации.

Соколова М. В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), кафедра всеобщей истории искусства исторического факультета, Россия

К вопросу о категории «национальный стиль» в британской архитектурной теории викторианского времени

Проблема «национального стиля» является одной из наиважнейших в европейской архитектуре историзма. Среди пестрого разнообразия неостилей, составляющих своего рода «архитектурный словарь» эпохи, в каждой европейской стране особое внимание оказывается привлечено именно к тем периодам в истории национальной архитектуры, которые прочно ассоциируются в сознании современников с расцветом государства.

Как правило, подобных страниц в истории национального зодчества оказывается несколько, и таким образом образцом для подражания становится более, чем одна эпоха. Этим объясняется, что в викторианской Англии, распространенными национальными неостилем являются одновременно и неоготика, и так называемый стиль Тюдор, и, уже на закате викторианского царствования, стиль королевы Анны. На протяжении этого весьма длительного исторического периода не только приоритеты при выборе того или иного стиля как образца для подражания сменяются не раз, но и сама интерпретация взятого за основу образца претерпевает значительные изменения.

Все это находит себе отражение как в самых различных областях строительной практики викторианского времени, так и в теоретических трудах архитекторов этой эпохи, таких как О.Пьюджин, Р.Керр, Ч.Истлейк и многие другие. Проследить на основе их работ, на чем был основан стилистический выбор, как менялись вкусовые предпочтения и сама интерпретация национального архитектурного наследия — задача данного доклада.

Терентьева М. П.

Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова (МГАХИ им. В.И. Сурикова), Россия

Типология терракотовых храмов Бенгалии на примере малоизученного храмового города Кална

Возведение терракотовых храмов на территории Бенгалии начинается в XVI в. После долгого строительного затишья, связанного с мусульманским вторжением начала XIII в., здесь постепенно стало возрождаться строительство индуистских храмов не похожих на все то, что было построено до вторжения.

Уже к XVII в. складываются основные типы терракотовой храмовой архитектуры региона, отраженные в основных постройках самого известного храмового города Бенгалии — Бишнупур. А в XVIII в. типология значительно расширяется, и с появлением новых типов появляются новые храмовые центры и города. Таким примером является малоизученный храмовый город Амбика Кална, или больше известный как Кална, находящийся в ареале влияния раджей индуистского княжества Бардхаман.

По составу памятников терракотового искусства этот храмовый город может соперничать с городом Бишнупур в разнообразии типов, собранных на одной территории. Храмовые постройки возводились здесь с сер. XVIII в. по нач. XIX в. и организованы они в два комплекса — комплекс Раджбари и комплекс Наба Кайлаш, находящиеся друг напротив друга.

Храмовое зодчество города Кална представлено как тремя основными и самыми ранними типами — чала (скатный), ратна (башенный) и монча (павильон), так и более поздним — сгруппированным. Причем, храмовый комплекс, являющийся примером сгруппированного типа, демонстрирует одну из поражающих воображение форм группировки — сто восемь храмов, обледенённых в два концентрических круга. А дополняют архитектурную среду города такие редкие типы терракотовых храмов как деул

и далан Доклад о малоизученных храмах города Кална, ранее не введенных в отечественный научный оборот, базируется на материалах, собранных в ходе поездки автора на местность.

Фрезе А. А.

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно–исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия

Устройство апсид в древнерусских соборах XI века и византийская традиция

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.1.1.

До настоящего времени сохранились восточные фасады (на разную высоту и с различным объемом перестроек) у следующих памятников XI столетия: Софийских соборов Киева, Новгорода, Полоцка, собора Спаса Преображения в Чернигове и Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Для всех перечисленных храмов характерны общие композиционные принципы устройства горизонтальных поясов из окон и ниш и деления на прясла стеновой поверхности апсиды. Однако основываясь на общем подходе, в каждом памятнике реализован яркий индивидуальный художественный образ, который формировался за счет различной трактовки деталей, иных пропорциональных соотношений, а также декорации.

Все упомянутые древнерусские соборы XI в. непосредственно связаны с византийской архитектурной традицией, которая именно в этом столетии отличается особой динамикой в стилистике и вариативностью в типологии. Композиционные принципы оформления апсид древнерусских храмов более всего соответствуют архитектурным решениям средневизантийских памятников Константинополя, но находят свои параллели и в зодчестве Фессалоник. Тем не менее, в процессе адаптации архитектурных форм к новым условиям строительства в них появляются и новые черты, не характерные для византийской традиции.

Софийские соборы Киева и Новгорода, Спасский собор в Чернигове и Успенский собор Киево-Печерской Лавры имеют устоявшиеся датировки, время строительства Софийского собора в Полоцке все еще дискуссионно. Представляется, что анализ особенностей архитектурных решений сохранившихся восточных фасадов древнерусских памятников, а также их сопоставление с современными им постройками в византийских архитектурных центрах, может дать дополнительные материалы и для определения даты постройки полоцкого кафедрального храма. И наоборот, стилистический анализ апсид древнерусских памятников, созданных с участием византийских мастеров, для которых известны даты их постройки, может быть актуален для решения вопросов датировок византийских храмов.

Хрушкова Л. Г.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ), Россия

Ионические импостные капители из Херсонеса Таврического

В V–VI вв. в Херсонес Таврический были вывезены сотни мраморных архитектурных деталей из византийских мастерских, расположенных на о. Проконнес в Мраморном море, близ Константинополя. Среди них колонны и капители, амвоны и алтарные преграды, наличники окон и дверей, плиты для облицовки стен и полов. По количеству и

разнообразие мрамора Херсонес — самый богатый город в Причерноморье ареале, его можно сравнить с Равенной. Эти мраморные детали, интересные сами по себе как вид архитектурного декора, также очень важны для уточнения хронологии церквей в Херсонесе и в Крыму в целом. Многие элементы мраморного декора перемещались, поэтому сейчас едва ли возможно установить их первоначальное положение. Капители из Херсонеса представляют все известные типы позднеантичной/ранневизантийской капители: композитную капитель с тонким зубчатым аканфом, коринфскую капитель с двумя рядами листьев аканфа и ее разновидности, ионическую импостную капитель, простой импост и ионическую капитель (один экземпляр). Большая часть капителей датируется второй пол. V в. и первой пол. VI в. Именно в этот период и были построены базилики, украшенные мраморами. В докладе представлены результаты исследования ионических импостных капителей.

Чекмарёв В. М.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия

Архитектура Москвы в исследовании британца Роберта Лайелла 1820-х годов

Врач, ботаник, исследователь и путешественник Р. Лайелл (Robert Lyall, 1790–1831) прибыл в российскую столицу прямо из Шотландии в 1815 г. В качестве врача он довольно успешно практиковал преимущественно в аристократических и дворянских семьях, сначала в Петербурге, а затем в Калуге, Москве и Подмосковье. По возвращении на родину в 1823 г., Лайелл опубликовал посвященную Александру I собственную диссертацию под следующим весьма пространственным названием: «Характеристика русских и подробная история Москвы. Иллюстрирована многочисленными гравюрами. С рассуждением о русском языке и приложением, содержащим политические, статистические и исторические таблицы; сообщение об Императорском обществе сельского Хозяйства в Москве; каталог растений, произрастающих в Москве и в ее окрестностях; очерк происхождения и развития архитектуры в России и проч.» Как выясняется, при написании собственного исследования, Лайелл активно привлекал уже имеющиеся труды на заданную тему, в том числе и изданные в самой России. В Предисловии к собственному труду Лайелл подчеркнет, что для его иллюстрации он использовал графические листы Лаврова. В данном случае имелся ввиду Иван Алексеевич Лавров (1785–1819), выпускник архитектурной школы при экспедиции Кремлевского строения. Известно также, что в 1804–1808 гг. он являлся «архитекторским помощником» и наблюдал за строительными работами в подмосковной усадьбе Царицыно, а с 1817 г. трудился в экспедиции Кремлевского строения. Он же познакомил Лайелла с характерными архитектурными особенностями Москвы, зарисовал для него наиболее примечательные городские панорамы и вычертил целый ряд планов наиболее примечательных зданий. Столь тщательно собранная Лайеллом во время пребывания в России целая серия графических листов была призвана с наибольшей достоверностью демонстрировать архитектурные и художественные особенности древней русской столицы: именно они являлись для автора особо важной составной частью его аналитических записок, посвященных целому ряду культовых и гражданских зданий. Всего лишь часть отобранных самим же Лайеллом чертежей и рисунков гравировалась в Лондоне английским мастером Э. Финденом (Edward Finden, 1791–1857), который вносил некоторые изменения в представленных ему исходных рисунках. Третьим иллюстратором книги являлся сам Лайелл, о чем он упомянет в тексте. В частности, именно с ним следует связывать вычерчивание некоторых планов московских строений. Посвященные архитектуре Москвы гравированные листы можно разделить на две группы. К первой относятся наиболее примечательные панорамы с широким захватом застройки

исключительно в центральной части города, ко второй восходят фасады и планы некоторых зданий и сооружений. А для лучшей привязки весьма развернутых текстовых пояснений к конкретике того или иного московского места или сооружения автор разместит в своем сочинении и гравированный на меди лондонским гравером Митлоу (Mitlow) современный его генплан.

Шапиро Г. Е.

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ),
Россия

Северное прясло крепостной стены 1671–1675 гг. в составе Ансамбля Вологодского кремля: результаты исследований в период производства реставрационных работ

Северное прясло крепостной стены 1671–1675 гг. постройки — один из наименее исследованных фрагментов Ансамбля Вологодского кремля, архитектурный облик которого был изменен в середине XIX в.

В процессе производства реставрационных работ было проведено «последнее» раскрытие памятника: демонтирована кровля, расчищены поверхности кирпичной кладки от штукатурного слоя, которое зафиксировало:

- верхние ряды кладки выложены историческим большемерным кирпичом;
- выявлены фрагменты утрат кладки площадки гульбищ глубиной до двух рядов; вывалы; ослабление крепления;

- обнаружены углубления с подтеской кирпича для отвода дождевых вод с площадки в сторону кремлевского сада. Выявлен ритм «углублений - сливов»;

- выявлены поперечные, прямоугольной формы, заглубленные на $\frac{1}{2}$ кирпича «пары» – предположительно для устройства конструкций настила, либо кровельной конструкции. Установлен ритм (шаг) заглубленных пар;

- зафиксированы исторические отверстия продухов в боевые и ретиральные камеры.

Анализ выявил также, что гнезда под консольные конструкции со стороны дворового фасада соосны углублениям- «парам» в кладке площадки гульбища. Со стороны Кремлевского сада также обнаружены следы аналогичных по конфигурации гнезд.

Данные сведения дают основания предполагать, что после демонтажа яруса гульбища в середине — второй половине XIX в., когда уже длительное время характер эксплуатации прясла был хозяйственным и утилитарным, сооружается деревянный каркасный переход, соединявший Пятницкую башню и Цифирную школу. Переход включал в себя деревянный настил на всю ширину прясла, стойки из бруса, дощатую защитную стену со стороны Кремлевского сада, а также ограждения со стороны дворового фасада. Перекрывался переход предположительно двухскатной деревянной крышей с покрытием из теса.

Важной остается интерпретация гнезд под консольные конструкции, расположенные между парными лопатками-пилястрами по главному дворовому фасаду. Анализ исторических архитектурных аналогов позволяет сделать предположение о наличии некогда деревянных подкосов, формировавших консольную часть перехода, горизонтальная балка которых заводилась в гнезда.

На основании проведенных обследований предложено несколько вариантов визуальных реконструкций деревянного перехода, представленных в докладе.

Kholomeeva A.

The State Institute for Art Studies, Russia

The formation of style in the Abbasid Caliphate: the first lustre tiles in the architecture of Ifriqiya

The architects of ancient Near East used the advances in ceramics in the decoration of buildings. Over the centuries, the need of the new era for this type of architectural elements completely disappeared, and with them the knowledge of ceramic technology, allowing to use glaze technology in architecture. The idea of tiling completely missing in the period of ancient Greece and Rome, as well as the period of Sassanid Iran, only reappeared in the Abbasid Caliphate.

From the technological point of view, it was apparently an achievement of the Iranian ceramic industry in the IX–XI centuries. The Baghdad metropolitan area and its surrounding cities were also the center of ceramic production. There was a historically established dominance of Iranian discourse in the art of Abbasids' capital. Apart from that, the proximity of Byzantine played a role due to the architectural technologies and ideas available there.

Meanwhile, the materials, techniques, and the artists themselves were selected from the best ones throughout the Caliphate for Bagdad. It was exactly the place where researchers believe the lustre technique emerged.

Appearing in the center of the Caliphate, the lustre technology is supposed to have spread rapidly westward, towards the Mediterranean. The earliest example were the city of Kairouan in Tunisia and Qal'at of the Beni Hamad in Algeria. Thus, the question arises whether the local craftsmen in the major Islamic urban centers of the Mediterranean region possessed this technology or whether it was an imported production from Bagdad.

The regularities of style development in the Abbasid Caliphate as well as the analysis of written sources, allow to assume that the lustre tiles were sent from the capital Bagdad, rather than were made directly on site.

The absence of expensive lustre technology in other centers of the state suggests that it was nothing but a political tool to influence and assert Bagdad's power in an unstable region of Ifriqiya where centrifugal tendencies were strong. The Grand Mosque in Kairouan is an example of the manifestation of Abbasid political motives.

Molodin A. V.

Nasledie Foundation, USA

Distinctive Architecture of Orthodox Churches in the USA

Orthodox architecture in the United States plays a vital role in preserving Russian cultural heritage. The earliest churches, dating to the first mission in 1794 on Kodiak Island, offer insights into the early growth of Orthodoxy in America. Churches built during the Russian America period were characterized by simple forms and layouts. The transition from the Russian wooden Empire style to neoclassicism was only partially reflected in North America due to resource limitations and short development timelines. In the 1920s and 1930s, connections to Russian architectural traditions remained but weakened, leading to the abandonment of traditional styles for eclectic and modern architectural practices. The October Revolution of 1917 and its aftermath forced believers to reorganize, changing their architectural approaches as Russian management and funding ceased. The Great Depression further reduced the scale of designs and simplified architectural plans, reducing the distinctiveness of Orthodox churches. Since the 1970s, the restoration of Eucharistic communion has ushered in new architectural changes, including the adoption of American models and a departure from traditional Russian canons. Modern Orthodox churches often reflect a mix of styles and eras, including neoclassicism and Russian motifs, yet without clear stylistic consistency. Orthodox architecture in the United States is not isolated; it interacts and competes with other faith traditions, enriching the local cultural landscape. Despite these challenges, the

Orthodox Church remains an active participant in American cultural life, preserving and evolving its heritage within new conditions.

Shkolnik H.

Staff Officer of Archaeology (SOA), Civil Administration of Judea and Samaria, Israel

Khirbet Khamaseh: A Late 18th century Ottoman Village in the South-Western Outskirts of the Jerusalem Mountains

Staff Officer of Archaeology (SOA), Civil Administration of Judea and Samaria

The site, located on the spur separating the village of Wadi Fukin and Beitar Illit, was first surveyed in 1968 during the Emergency Survey, and surveyed in detail and limitedly excavated by the late D. Amit in 1989, who dated the activity at it to the Ottoman period. In the years 1948–1956 a Jordanian army post operated at the site, till its destruction by the IDF during the "Lulav" reprisal operation.

The present excavations (2016) exposed over half of the of the structures at the site (30). The architecture is distinctive for its simplicity: the basic unit is a single-roomed, two-levelled building, built in irregular plans with rounded corners.

The mosque, the guest house and the elite dwellings were located in the centre, flanked with clusters of family dwellings; a communal kitchen, several minimalistic dwellings and animal pens were placed at the periphery of the site. Rich pottery, metal and zoological assemblages were collected.

The numismatic evidence suggests the beginning of activity at the site in the days of Abdul Hamid I (1774–1789) and its termination early in the reign of Selim III (1789–1807), ca. 1790, as a result of a violent event which involved musket fire and torching of the village.

Tarkhanova S. V.

National Treasures Department of the Israel Antiquities Authority (IAA), Israel

The Ruins of Deir Sha'ar in Judea: from Hellenistic Tombs and Byzantine Monastery to the Russian Pilgrims' Residence "Bet-Zakhar" | Развалины Дейр Шаара в Иудее: от эллинистических гробниц и византийского монастыря к участку РДМ «Бет-Захар»

Staff Officer of Archaeology (SOA), Civil Administration of Judea and Samaria

This report is devoted to some of the previously known archaeological and historical data on the site of Deir Sha'ar (Beit Sha'ar), also known as the "Russian Monastery" (Russian Pilgrims' Residence "Bet-Zakhar"), in the Central Hebron Hills, in the light of the new finds and discoveries made during recent surveys conducted by the author and the archaeologist Haim Shkolnik on behalf of the Staff Officer of Archaeology, Civil Administration of Judea and Samaria (SOA). The previously known features, namely the monumental rock-cut tombs along the remains of the Roman road, were suggested a new, Late Second Temple date (2nd c. BC — 1st c. AD). Additional subterranean features are presented for the first time: a burial cave, possibly hewn already during the Iron Age II (ca. 8th c. BC) with evidence for further use during the Late Second Temple Period, a Jewish ritual bath (*miqveh*) from the Late Second Temple Period and a unique for the region cave church, hewn by the Russian monk Lazar at the beginning of the 20th c., which's existence was only hinted in the period accounts. The ancient models of holiness in the Holy Land have seemingly inspired the broad reuse of caves (tombs, in particular) by the Russian monks at Deir

Sha'ar in the early 20th century. However, the rock-cut tunnels, especially the church, are rooted in the cultic traditions widespread in European Russia and Ukraine, where the practice of monastic underground dwelling developed through the 17th–20th centuries.